

МИФ О КОРОЛЕ АРТУРЕ: ТВОРЕНИЕ ЗАПАДНОГО МИРА

Есть образы, которые с нами всю жизнь. К числу их относятся король Артур и рыцари Круглого стола.

Вначале это детская книжка с картинками «Легенды Англии». Затем подросток читает «Янки при дворе короля Артура» Марка Твена и/или с еще большим интересом следит за приключениями Индианы Джонса и ждет новых «Пиратов Карибского моря», которые ищут Грааль. И это не говоря уже о бесчисленных кинофильмах о самом Артуре и его рыцарях. Одновременно он играет в компьютерные игры, становясь то Артуром, то Ланселотом. Затем (теоретически) приходит время опер Рихарда Вагнера «Парсифаль» и «Тристан и Изольда». Когда появляется первый проблеск политического сознания, выясняется, что встреча глав государств за круглым столом имеет ту же символику, что и в давние времена: равенство договаривающихся сторон.

Вообще, круглый стол как нельзя лучше воплотил основную идею западной демократии — идею равенства. Флаг Европейского союза — звезды, выложенные кругом, подразумевает равенство государств, входящих в этот союз, и также отсылает к первоначальному символу такого равенства.

Известно, что Белый дом в годы президентства Дж.Ф. Кеннеди называли Камелотом, имея в виду товарищеский дух, который объединял президента и его команду.

Именем меча Артура — Эскалибур, который делал своего короля непобедимым, названы управляемые снаряды 155мм калибра, поставленные на вооружение в армии США.

Не исчезло это имя и из династических имен британской королевской семьи: Артуром звали одного из сыновей королевы Виктории. Оно является средним именем принцев Чарльза и Уильяма. Прецедент позволяет им воспользоваться им при восшествии на престол.

Благодаря интегративным процессам, происходящим в мире, образ короля Артура известен многим, но «нашим всем» он является для представителей европейской цивилизации. Он символизирует духовное единство Европы на протяжении уже пятнадцати столетий. Зародившись в Британии, миф об Артуре распространился по всей Европе, а затем обогнул земной шар.

Именем Артура вводили закон и диктовали правила поведения для поколений рыцарей. Он благославлял каждую вновь приходившую британскую династию. Он был христианином, сражающимся за веру, и незримо присутствовал среди крестоносцев, отправлявшихся на отвоевание Гроба Господня.

«Дворы Артура» и рыцарские турниры даже в 15 веке напоминали о “золотом веке” куртуазного поведения. Поклоняться Прекрасной Даме следовало по этому образцу. Откуда же такая любовь, пережившая века?

У каждого народа есть воспоминания в виде преданий, сказок, былин. Их рассказывают или напевают взрослые своим детям и внукам, продолжая, таким образом, нить культурной памяти. В массовом порядке предания востребуются в кризисные годы, когда память об общих славных победах или горестных поражениях должна сплотить народ в единое целое и заставить идти на новые подвиги во имя великих целей. Конструирование спланированного «мифа нации» в процессе формирования наций также происходит, в первую очередь, на материале, предоставляемом исторической памятью. Весь 19-й век для европейских народов — это поиск своей национальной идентичности, причем поиск, начинающийся от некоего «начала» народа.

На основе летописаний, обычаев, устного народного творчества интеллектуалы конструируют национальный миф, который затем начинает проникать в гущу людей, для которых предназначен. Чтобы осознать себя нацией, эти люди должны будут многому научиться и многое обрести. Научиться грамоте, получить хотя бы элементарное образование и рабочие места в городе, куда они приедут из предместий или деревни. Но только в городе все то, что они впитали с моло-

ком матери в виде песен, сказок, праздничных обрядов, станет для них Историей своего народа, общей для всех, кто живет на земле предков, и отличной от историй остальных народов.

При всем том, что внешняя канва исторических событий является в значительной степени общей для народов Европы (войны, династические браки, торговые отношения и дипломатические посольства), каждый народ сплачивается вокруг одного из ключевых моментов истории, наиболее ярко противопоставляющего «нас» — «им».

У русской нации до сей поры — это идея «собираания земель» под рукой Москвы и защита границ. Значительный по объему цикл былин связан с образами трех богатырей, охраняющих на «заставе богатырской» русскую землю. Сказочные и былинные герои оказались востребованы на протяжении всего 19-го века в период активного формирования русской нации. Наряду с персонажами сказок, богатыри стали появляться (например, в кинофильмах) и в 30-е годы XX века, и во время Второй мировой войны, когда опора только на революционные символы стала недостаточной и потребовались герои «старой» России.

У британцев ключевые персонажи начальной истории (реальной или воображаемой, неважно) — это король Артур и рыцари Круглого стола. Причем эти герои близки Западной Европе в целом благодаря тому, что во времена формирования мифов существовало общее культурное пространство. Тогда, когда окончательно стало ясно, что античность осталась в прошлом, и на развалинах ушедшей мудрости римлян невозможно строить новую жизнь. Не совпадали картины мира. Попытки каролингского и оттоновского возрождения античности потерпели фиаско. И варварский мир стал творить себя на основе христианства.

Новый мир в лице новых династий нуждался в легитимизации (династической и духовной), а также в новых, принятых элитами правилах поведения и осознании себя соответствующими этому новому миру.

Миф о короле Артуре вводил британские правящие династии (Саксонскую, Норманнскую, Плантагенетов, Тюдоров, Стюартов и Ганноверскую) в культурное пространство Европы в целом и Британии в частности.

Миф о Круглом столе, восходящий к базовому мифу о творении, создавал новый мир Средневековья, возникший на развалинах Римской империи.

Миф о Граале рассказывал о духовных поисках людей в процессе идентификации себя в этом новом мире.

Позднее, в викторианской Англии, в период формирования британской нации, произошло новое обращение к «артуровскому циклу». В 1842 году поэтом Альфредом Теннисоном были созданы «Королевские идиллии», основанные на легендах об Артуре. В 1867-68 годах поэма была переиздана с иллюстрациями Гюстава Доре. Тогда же на сюжеты цикла была расписана Палата лордов (1846 год, художник Вильям Дайс). Прерафаэлит Данте Габриэль Росетти также писал работы на сюжеты артурианы. Фотограф Джулия Маргарет Камерон (1815-1879) снимала своих натурщиков в рыцарских доспехах, вдохновленная артуровскими образами.

В конце XIX века Гилберт и Ноулс сделали «переложение» романа Томаса Мэлори о короле Артуре и его рыцарях для детей. Превращенный в канон сюжет пошел обратно «в народ», который должен был знать своих героических предков.

Начиналось же все в те времена, когда римляне в 4-м веке покинули Британию.

Эскалибур. Миф о династической легитимности

Согласно легенде, Артур доказал свое право на престол, вытащив из камня заколдованный волшебником Мерлином меч. С тех пор каждая новая династия, претендующая на британский престол, должна была доказывать свою легитимность связью с артуровской легендой, символически «вытащив» ее на свет божий. Попробуем проследить, кем и каким образом востребовалось имя Артура, а также какие изменения претерпевал сам образ легендарного короля.

В мифе о короле Артуре существует несколько пластов или слоев, которые возникали вокруг центрального образа один за другим.

Первые слои соответствуют индоевропейскому прошлому кельтов, что позволяет отнести образ Артура к древнейшим, архетипическим образам. Так, известно о кельтском божестве по имени Артай, которому посвящено множество святилищ на территории современной Франции

(там, где обитали кельтские племена галлов). Возможно, что впоследствии Артай и Артур слились воедино, так же, как в Ирландии святая Бригита приняла черты языческой богини Бригиндо.¹

Следующий слой – это валлийские родословные, запечатлевшие родственные узы на протяжении столетий. Родословные свидетельствуют о том, что у кельтов ранее VI века имя Артур отсутствует. Оно появляется начиная с конца VI – начала VII веков. К примеру, один из Артуров был сыном короля скоттов Эдана Мак-Габрэйна, рожденным около 570 года, другой был внуком валлийского правителя по имени Вортипориус. В 620 году неким бриттом Артуром, сыном Бикойра, был убит ирландский король Морган. Исследователи связывают популярность имени Артур с прототипом, в честь которого стали называть своих сыновей кельтские вожди. Таким образом, выстраивается цепочка: исторический воин Артур, исторические личности, которых называли в честь него, мифический Артур.

Следующий пласт связан со сказаниями бардов. Артур появляется в валлийском цикле «Мабиногион», в саге «Килух и Олвен». В поисках пропавшей невесты герой направляется в Волшебную страну, которая на самом деле является загробным миром, и там он попадает в замок Артура. В валлийской саге «Preidu Annwfn» Артур упоминается также в связи с путешествием в загробный мир. В другой саге говорится о боге Луге, соляном божестве, тем не менее появляющемся в качестве воина, некоего Артура.²

Существует ряд легенд, в которых Артур описывается в качестве вождя «диких охотников». Этот мотив был распространен как в Британии, так и во Франции и Германии. Сохранились свидетельства того, что еще в XIX веке местные жители в окрестностях замка Кэдбери верили в то, что лунными ночами Артур со своими людьми охотится где-то рядом. Древние дороги между Кэдбери и Гластонбери до сих пор известны как «гать короля Артура».

Еще один пласт мифа об Артуре связан с «житийной» литературой. Известно, что христианство пришло в кельтскую Британию еще при римлянах. Позднее, в VI веке, в Ирландии появляется ряд «житий», в которых фигурирует имя Артур. Он – брат святого Иллтуда, он же убивает брата святого Гильдаса.

Следующие слои формирующегося мифа об Артуре связаны с историческими хрониками. Именно они были призваны придать легитимность каждой новой приходящей династии и ввести ее королей в культурное пространство Британии и Европы.

Отсчет появления Артура-воина как исторического лица обычно начинают с манускрипта монаха Гильды Премудрого «О гибели Британии» (540 год). Хронист повествует о битве при Маунт-Бадоне в 516 году, в которой кельты под предводительством двух своих военачальников победили саксов. Имя одного из них Аврелий Амброзий, имя другого не названо.

Около 800-820 годов монах Ненний завершил редактирование свода из более чем тридцати манускриптов, который получил название «История бриттов». Там впервые упоминается имя Артура, но не как короля, а как военачальника – *dux bellorum*. Перечисляются его героические деяния и главное среди них – все та же победа над саксами при Маунт-Бадоне.

Ненний как достойный сын своего времени описывает «чудеса» Артура. Первое чудо связано с его любимой собакой. Отпечаток ее лапы можно найти на камне в окрестностях Бреконшира, куда она забежала во время охоты на кабана. Артур приказал поместить этот камень на вершину пирамиды из других камней. Если камень с отпечатком переместить, то через двадцать четыре часа он все равно возвращается на прежнее место.

Второе «чудо» связано с сыном Артура Аниром, которого отец убил собственной рукой и сам же похоронил. Сколько бы раз люди ни пытались измерять длину могильной насыпи, каждый раз у них получались разные результаты.

Также Ненний перечисляет подвиги воина Артура. Всего их двенадцать, как у Геракла. При этом места, в которых происходили подвиги, отстоят друг от друга слишком далеко, чтобы их мог совершить реальный человек. Главный подвиг – все та же битва при Маунт-Бадоне, где Артур собственноручно убил 960 человек.

Налицо мифологизация реально существовавшего военачальника бриттов и наделение его сверхъестественными способностями, помогающими совершить подвиги, недоступные простому смертному. Битва при Маунт-Бадоне из скромного военного эпизода превратилась в центральное

¹ Роллестон Т. Мифы, легенды и предания кельтов. М.: Центрполиграф, 2004. С. 284.

² Мортон У. Артуровский цикл и развитие феодального общества // Томас Мэлори. Смерть Артура. М.: Наука, 1974. С. 778.

ядро легенды, что не должно нас удивлять. Так не раз случалось в эпоху Средневековья, достаточно вспомнить «Песнь о Роланде». Напрашивается и еще одна параллель – со «Словом о полку Игореве», где поражение в битве с половцами второстепенного Новгород-Северского князя Игоря Святославича предстало в виде катастрофы для всей русской земли, которую оплакивают даже силы природы.

В хронике Ненния можно выделить, по крайней мере, три замысла.

Первый существует в контексте культурного подъема в рамках Священной Римской империи Карла Великого, который получил название «каролингское возрождение». Грань «учености» тогда не существовало. Ранее, в «Темные века», в монастыри Ирландии бежали с континента ученые клирики, благодаря чему эти монастыри стали средоточием европейской учености. При Карле процесс пошел в обратном направлении. К примеру, Алкуин из англосаксонского королевства Нортумбрия стал главой Аахенской Академии Карла Великого и его советником.

Второй состоит в том, что новая саксонская династия пыталась встроиться в историю завоеванного народа. Хроника Ненния была записана при первом короле этой династии Эгберте (802-839). Такое «встраивание» в первую очередь означало окончательное закрепление за собой победы, славы и прав на завоеванные территории, население и предков. В этом смысле подвиги кельтских королей и военачальников должны были служить вящей славе королей английских. Чем труднее победа, чем сильнее противник, тем громче слава.

«Встраивание» имело и еще один смысл, связанный не с прошлыми родовыми отношениями, а с будущими, в которых появляется историческое сознание. Король Уэссекса Альфред Великий (871-899), правивший спустя полвека после составления Неннием «Истории бриттов», уже мог оценить этот труд не с точки зрения сакса, которого когда-то «били» бритты, а с точки зрения покровителя учености. При нем королевский двор в Винчестере стал одним из крупнейших центров образования, наподобие двора Карла Великого в Аахене.

Третий аспект, наоборот, противопоставляет кельтов и вытеснивших их с исконных земель завоевателей-англосаксов. Упоминание в хрониках имен бриттских вождей (и среди них Артура), хотел этого Ненний или не хотел, поднимало дух кельтов и звало их к реваншу.

Нормандская династия обратила внимание на миф об Артуре не сразу. Первых двух королей занимали дела военные и хозяйственные. Памятником Вильгельму Завоевателю стала «Книга Страшного Суда», которая содержала в себе данные поголовной переписи новых подданных и их имущества. После смерти Вильгельма его сыновья и внуки враждовали друг с другом и по очереди претендовали на престол. Относительно тихим было царствование третьего сына Вильгельма, Генриха I Боклерка (1100-1135). Именно в эти годы были написаны «История английских королей» библиотекаря монастыря в Мальмсбери Уильяма и «История королей Британии» валлийского клирика Гальфрида Монмутского (J. of Monmouth). О Гальфриде известно, что он родился в южном Уэльсе и что его отец носил имя Артур.³

У Гальфрида Артур впервые назван королем. Ни словом не упоминается о битвах, которые приписывали ему более ранние хронисты. Зато он ведет своих британцев в походы на земли от Ирландии до границ современной Италии, чему позавидовал бы сам Цезарь. По этому поводу один хронист XIV века удивлялся, как это историки с континента не обратили тогда ни малейшего внимания на то, как Артур взял тридцать королевств и напал на самого римского императора. У Гальфрида впервые появляются Гвиневера, Мерлин, Фея Моргана, рыцари Гавейн и Кэй.

Гальфрид как бы подводит итог развитию артуровской легенды на кельтской почве.⁴ Начинается следующий этап мифологизации. Поле мифа расширяется: Артур из воина, совершающего эпические подвиги, теперь становится королем. Появляется «свита», которая «играет» своего короля: жена, вассалы, магические помощники и враги.

«История Гальфрида немедленно завоевала прочную популярность, о чем свидетельствует большое количество дошедших до нас списков. Артур стал самым модным героем, и уже сыновья первых читателей Гальфрида могли наслаждаться целым циклом романов, оттеснившим на задний план повествования о Шарлемане».⁵ Количество списков действительно поражает. Через

³ Блейк С. Ллойд С. Пендрагон. Король Артур: Рождение легенды. М.: Вече, 2006. С. 38.

⁴ Михайлов А. Д. Артуровские легенды и их эволюция //Томас Мэлори. Смерть Артура. М.: Наука, 1974. С. 827.

⁵ Мортон. С. 769.

века, войны и революции до нас дошло двести полных списков, одна пятая которых датируется XII веком.

Встает вопрос, почему именно Артур, а не, к примеру, англосаксонский король Альфред Великий, стал «своим» уже для третьего поколения Нормандской династии?

Во-первых, к моменту Нормандского завоевания миф об Артуре уже существовал, и ничего не надо было придумывать нового.

Во-вторых, этот миф устраивал самих норманнов, которые, таким образом, приобретали союзников в лице кельтов. В отряде Вильгельма Завоевателя было немало бретонских (то есть кельтских) баронов, вытесненных в свое время на материк саксами. Теперь они вполне рассматривают свое возвращение как долгожданную победу над ненавистными саксами. Первым королям-норманнам также был необходим победоносный предшественник на британском троне. Образ Карла Великого, который «спит до поры, но вернется», был «прибран к рукам» монархами на континенте. Нормандская династия, стремившаяся обрести самостоятельность, получала своего короля «однажды и навсегда».

Кроме того, родоначальник новой династии Вильгельм I был выскочкой, на нем всю жизнь лежало пятно незаконнорожденного, что явно беспокоило его наследников. Поэтому новой династии был нужен миф по типу «Энеиды» для римских императоров или о Карле для французских королей. Гальфрид рассказал им об Артуре.

В-третьих, как ни парадоксально, этот миф мог устраивать и самих саксов. До прихода норманнов их короли правили страной на протяжении двухсот лет, и это была уже их история. Нормандские же бароны, приплывшие в Англию с Вильгельмом, вели себя как настоящие захватчики. Они требовали себе все новых и новых привилегий как платы за старые заслуги и по-прежнему рассматривали Вильгельма как первого среди равных. В своих попытках постепенной централизации власти, ограничения баронских амбиций и введения отношений вассалитета Вильгельм в значительной степени опирался на англосаксонскую знать. Англосаксы также видели в Вильгельме единственный противовес алчным баронам.

Генрих I Боклерк, младший сын Вильгельма I Завоевателя, был женат на Матильде, чьим отцом был шотландский король Малколм, а матерью – внучка последнего англосаксонского короля Эдмунда Железнодорожного Маргарет. Этим браком, вызвавшим недовольство нормандских баронов, он привлек на свою сторону многих англичан, которые с восторгом приняли новую королеву и назвали ее Мод Доброй. В этом контексте вполне разумным шагом являлось написание истории страны, в которой утвердилась новая династия. Династический брак ввел норманнов в культурное поле завоеванных ими народов. Родословная правителей Британии благодаря Гальфриду дошла до легендарного Брута, сына не менее легендарного Энея, спасшегося из Трои. Норманнский «кочующий бандит» стал законным государем и должен был поддерживать свой статус не столько мечом, сколько принятием знаков и символов другой культуры. Таким символом стал образ Артура.

Таким образом, «История» Гальфрида льстила и кельтам, возвеличивая их героя, и саксам, которые только-только стали привыкать к власти, и норманнам, которые должны были убедиться сами, в какой геройской стране они правят.

Крестовые походы распространили славу Артура, воспетую бардами и Гальфридом, до пределов Палестины. Вехами на пути крестоносцев стоят собор Модены, неподалеку от Болоньи, где на архивольте северных дверей есть рельефное изображение воина Артура,⁶ и собор Отранто, близ Бари на Адриатическом море, где около 1165 года появляется мозаичное изображение короля Артура.

К XII веку относится свидетельство некоего английского путешественника, посетившего Сицилию. По его словам, местные жители были уверены, что король Артур спит в жерле вулкана на горе Этна. Приводятся также слова некоего конюха, которого послали искать сбежавшую лошадь. Конюх пересекал чудесную лужайку, когда вдруг увидел кровать с лежащим на ней королем Артуром. Артур поведал ему о своей последней битве и пожаловался на то, что в каждую годовщину этой битвы его старые раны снова болят. Сицилия в то время управлялась норманнскими герцогами, которые и завезли ставшую «своей» легенду на новую территорию.

Безымянный автор XII века писал о том, что слава об Артуре Британском распространилась до пределов христианского мира. Он равно был известен как людям на Западе, так и людям на

⁶ Михайлов. С. 793.

Востоке, о чем свидетельствовали рассказы пилигримов. Артур эпохи первых Крестовых походов – это христианин, победивший язычников-саксов.

Следующей династией, которая не только востребовала образ Артура, но широко распространила миф о нем, стала воцарившаяся в 1154 году династия Плантагенетов. Генрих II Плантагенет приходился правнуком Вильгельму I Завоевателю. Он был женат на Элеоноре Аквитанской, которая принесла мужу обширные земли на юге Франции, где и проводила большую часть времени. При ее дворе возник культ Прекрасной Дамы, который стал не только важной страницей европейской культуры, но и следующим по времени обращением к образу Артура.

К 1175 году Кретьен де Труа красочно пересказал для своей повелительницы Марии Шампанской (дочери Элеоноры) и ее блестящего двора некоторые сюжеты Гальфрида. Именно де Труа заложил основы традиции рыцарских романов так называемого «бретонского цикла». В них сохранился кодекс рыцарской культуры, который надлежало исполнять. В первую очередь, это «Ланселот, или Рыцарь Телеги», «Ивейн, или Рыцарь Льва», «Персеваль, или повесть о Святом Граале». Именно Кретьен де Труа впервые вводит тему Грааля и дает название Двору Артура – Камелот.

Едва ли не центральное место в романах занимает идея любви рыцаря и Дамы, не связанных узами брака, но питающих друг к другу не только возвышенные чувства. Идея «свободной любви» XII века имела бешеный успех у современников и распространилась по всей Европе.

Затем поэтические романы были переложены прозой, все огромное количество сюжетов собрано в цикл из пяти романов, получивший название «Vulgata». «Вульгата» была составлена цистерцианскими монахами к 1225 году. Главными героями этих романов («История Святого Грааля», «История Мерлина», «Книга о Ланселоте Озерном», «Поиск Святого Грааля» и «Смерть короля Артура») стали Ланселот и Гавейн, а не Артур. На первый план вышла тема Грааля.

Произошла и дальнейшая мифологизация образа Артура. «Мир, в котором существует Артур и его сподвижники, – условен. Условно время, условно пространство. Тем самым мир короля Артура существует у Кретьена вне времени и пространства. Не случайно поэтому его королевство не имеет четких границ: Артур царит там, где существует дух рыцарственности».⁷

С этого времени имя Артур появляется в родословных английских королев, но не приносит удачу их обладателям. К примеру, так назвали внука Генриха II, Артура Бретонского, претендента на английский трон. Он был сыном Жоффруа и Констанции Бретонской, племянником Ричарда Львиное Сердце и Иоанна Безземельного. В 1203 году в возрасте пятнадцати лет он был злодейски убит своим дядей Иоанном, который таким образом стал королем сам.

В конце 80-х годов XII века в монастыре в Гластонбери, который, как считалось, находился на месте Камелота, замка короля Артура, по приказу Генриха II были начаты первые «археологические раскопки». Они были описаны хронистом Гиральдом Камбрийским.

Согласно легенде, некий монах рассказал Генриху о том, что на месте монастыря Гластонбери был когда-то похоронен Артур. Находка подтвердила бы историческое существование короля и перевела истории его правления из разряда легенд в разряд достоверных фактов. Был еще один «плюс»: она развенчивала бы легенду кельтов о том, что Артур не умер и должен вернуться к своему народу.

Вторично о предполагаемых останках короля Артура вспомнили во времена Эдуарда I. Именно тогда, в 1275 году, английская армия вторглась в Уэльс, где царствовал Ллуэлин Великий. До 1282 года удача была на стороне валлийцев. Возможно, что напоминание о «находке» на территории монастыря в Гластонбери было своеобразной «психической атакой» на валлийцев, которым предъявили доказательства действительной смерти их древнего короля, ставшего к этому времени символом.

В 1282 году в битве погиб Ллуэлин Великий, к 1284 году весь Уэльс оказался под властью английского короля. Титул принца Уэльского перешел к новорожденному первенцу Эдуарда, будущему королю Эдуарду II. С тех пор этот титул носит наследник английского престола.

Кстати, имя Артура еще раз сослужило службу Эдуарду I, когда он доказывал папе Бонифацию VIII свое право вторгнуться в Шотландию тем, что этот край был некогда захвачен самим Артуром (то есть являлся «дедовской вотчиной»). Эдуард цитировал в этом письме «Историю» Гальфрида.⁸

⁷ Михайлов. С. 814.

⁸ Блейк, Ллойд. С. 24.

Следующим монархом, обратившимся к «артуриане», стал Эдуард III Плантагенет (1312-1377 гг.). Он ввел моду на так называемый Двор Артура. Исследователь Средних веков Хейзинга пишет: «Жизнь аристократии во времена позднего Средневековья ... это попытка разыгрывать грезу, делая участниками всегда одного и того же спектакля то древних героев и мудрецов, то рыцаря и непорочную деву, то бесхитростных пастухов, довольствующихся тем, что имеют...».⁹

Двор Артура времен Эдуарда и был тем своеобразным спектаклем, в котором не было зрителей, но все были актерами. Придворные изображали сцены из жизни рыцарей Круглого стола и их дам. С легкой руки Эдуарда мода на Дворы Артура захватила королевские дворы Европы, вплоть до городов юго-восточной части Балтики. К XV веку возникли «Двор Артуса» в Гданьске и «Двор короля Артура» («Дом черныхоловых») в Риге.¹⁰

Также входит в моду учреждать рыцарские ордена, и каждый уважающий себя государь должен был иметь свой собственный орден.¹¹

Эдуард III предполагал учредить рыцарский орден Круглого стола. Для этого был изготовлен Круглый стол, за которым и должны были восседать рыцари нового ордена. В Виндзорском замке специально для него построили Круглую башню. В конце концов король бросил эту идею и в 1348 году учредил Орден Подвязки. Дубовый Стол, перевезенный в собор Винчестера, остался как напоминание о нереализованном замысле.

Последней данью памяти Артура королем Эдуардом было перезахоронение костей из погребения в Гластонбери в мраморные саркофаги.

Династии Ланкастеров и Йорков, правившие Британией на протяжении последующих восьмидесяти с небольшим лет, извели друг друга в войне Алой и Белой Розы (1455-1485 гг.). Авторы просто не успевали посвящать свой труд монарху, как его уже не было на престоле. Так произошло со знаменитой книгой Томаса Мэлори «Смерть Артура». Она предназначалась для Йорков, а получили ее Тюдоры. И получили как нельзя более кстати, потому что их предками были кельты. Наконец королями стали те, кто имел к Артуру хоть какое-то отношение.

Своего первенца Генрих VII назвал Артуром, демонстрируя, таким образом, объединение Дома Тюдоров с землей их предков – Уэльсом. В возрасте пятнадцати лет Артура женили на принцессе Екатерине Арагонской, дочери Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской. С ним несчастья принцев, носивших это имя, продолжились. Через год принц Артур умер от простуды. Новым принцем Уэльским стал его брат Генрих, будущий Генрих VIII. Он и был «назначен» новым Артуром, женившись к тому же на Екатерине, вдове своего старшего брата.

К слову сказать, смерть принца Артура не только не позволила появиться на английском престоле королю с таким именем, но и привела к последующим трагическим событиям в жизни всей страны: развод Генриха VIII с Екатериной Арагонской, разрыв с Римом, Реформация и, как следствие, упразднение католических монастырей (в том числе, Гластонберийского аббатства), соперничество Елизаветы и Марии Стюарт, закончившееся казнью последней.

Как бы предвидя все это, роман Мэлори апеллирует к идеалам рыцарства, которые, как казалось современникам, канули в Лету после битвы при Азенкуре (1415 г.) вместе с самими рыцарями. В романе продолжается и дальнейшее развитие образа Артура. Теперь он – император, коронованный в Риме.

В то же время в романе сохраняются архаические мотивы. Мотив отцеубийства: убийца Артура Мордред является одновременно его сыном и племянником, поскольку рожден от сестры. Мотив чудесного спасения младенца: Мерлин предсказывает Артуру, что тот примет смерть от руки юноши, рожденного в первый день мая. Артур приказывает собрать всех детей, рожденных в этот день, на корабль и пустить его по волнам моря. Буря разбивает корабль в щепки, и спасается только Мордред. Мотив моста через реку, отделяющую мир живых от мира мертвых: он в полфута шириной и ведет к острову, на котором находится гробница братьев-рыцарей. Мотив заколдованной одежды: плащ Морганы, который испепеляет надевшего его, как одежда, погубившая Геракла.

В 1516 году при Генрихе VIII был перекрашен Винчестерский стол. Тогда же на нем был изображен портрет самого короля. Этим как бы возвещалось, что долгожданный Артур вернулся в свое королевство в облике Генриха.

⁹ Хейзинга Й. Осень средневековья. М.: Наука, 1988. С. 44.

¹⁰ Клинге М. Мир Балтики. Хельсинки: АО «Отава», 1995. С. 39.

¹¹ Хейзинга. С. 93.

В начале XVI века изображение короля Артура появляется еще в одном европейском городе, что свидетельствует о том, что образ Артура и миф о нем прочно вошли в общеевропейскую традицию. Скульптурное изображение Артура было выполнено для Максимилиана I, императора Священной Римской империи (1493-1519). Император пожелал, чтобы рядом с его будущей гробницей были установлены скульптурные изображения сорока великих королей и королей древности и современности, так называемые «черные рыцари», которые бы встретили его после смерти. Гробница в Инсбруке осталась кенотафом, из сорока задуманных статуй было выполнено лишь двадцать восемь, но среди них – статуя Артура.¹²

При последней королеве династии Тюдоров, дочери Генриха VIII Елизавете, образ Артура был востребован не однажды в поэмах, стихах и ученых трудах, но также был приспособлен к своему времени. От Артура осталось одно лишь имя, на первый план вышла назидательность как следствие усвоения новых правил поведения человеком эпохи Возрождения. К примеру, этой теме была посвящена поэма Эдмунда Спенсера «Королева фей».

О важности и, как бы мы сейчас сказали, харизматичности образа Артура говорят и данные, правда, подтверждаемые лишь косвенными свидетельствами, о рождении королевы Елизаветой сына, якобы нареченного Артуром.

Как когда-то Эдуард I доказывал свои права на Шотландию, ссылаясь на завоевания Артура, так придворный астролог и математик Елизаветы Джон Ди подарил королеве книгу, в которой писал, что Артур некогда покорил и Америку. Это служило оправданием претензий Англии на заморские территории.¹³

Преемник королевы-девственницы Иаков I Стюарт, как и некоторые его предшественники на английский престоле, также претендовал на то, чтобы быть «новым Артуром». На это его вдохновляло родство с линией Тюдоров через прабабку Маргариту.

Следующее «массовое» обращение к образам артуровского цикла произошло, как мы писали выше, уже в викторианской Англии.

Круглый стол. Миф о творении мира

Образы короля Артура и его рыцарей со временем оказались разделенными. Выполнив свою роль примера для христианского воинства, Артур как активный и творческий герой в большей степени остался британским. Он, подобно богу-творцу, запустил машину мироздания и отправился на отдых. В качестве такового божества он фигурирует в поклонении «Девяти бесстрашным». Имена девяти героев древности названы в «Обете павлина» Жака де Лонгийона около 1312 г. «Это группа из девяти героев: трех язычников, трех евреев и трех христиан – возникает в сфере рыцарских идеалов... Выбор героев выдает тесную связь с рыцарским романом: Гектор, Цезарь, Александр – Иисус Навин, Давид, Иуда Маккавей – Артур, Карл Великий, Готфрид Бульонский».¹⁴

Наступили новые времена куртуазии, и на первый план выступили рыцари Круглого стола. Кроме того, за исключением правления Эдуарда III, Британия не была законодательницей моды, уступив эту привилегию бургундскому и французскому дворам. Немалую роль в «пропаганде» мифа об Артуре и его рыцарях сыграли и германские авторы: Гартман фон Ауэ («Эрек» и «Ивейн») и Вольфрам фон Эшенбах («Парцифаль»). Именно тогда стали добавлять новых персонажей, которые не значились в первоначальном списке рыцарей. Таким образом, на континенте фигура Артура уже не играет в лэ и романах важной роли. Главными становятся его рыцари, совершающие подвиги во имя долга.

Но Артур превратился в «отдыхающего бога» только после того, как его именем была создана новая картина мира, в которой так нуждалась средневековая Европа.

В далеком прошлом осталось нашествие гуннов, беспредел Меровингов, попытки каролингского и оттоновского возрождения древней греческой и римской мудрости.

Мир после так и не состоявшегося в 1000-м году конца света обретал новые границы, и в политическом, и в духовном смысле. Формировались более или менее устойчивые границы государств, и внуки предводителей бандформирований становились легитимными монархами.

¹² Сайт музея «Гофкирхе» в Инсбруке: www.hofkirche.at.

¹³ Блейк, Ллойд. С. 28.

¹⁴ Хейзинга. С. 76.

Ими были востребованы четкие правила игры, которые могли не соблюдаться, но к которым можно было апеллировать. Изменилась и христианская церковь. Надежды на быстрое вхождение в Град Небесный были отложены. Жизнь продолжалась, и надо было строить Град Земной.

Одной из моделей, которая в символической форме представила творение нового пост-римского мира, явилась легенда о Круглом столе короля Артура. В значительной степени она вышла из ностальгии по старым добрым временам, и в ее основе лежал базовый миф о золотом веке. Но причины, ее вызвавшие, были новыми, относящимися к первым устоявшимся династиям. Модель эта, языческая по своей сути, отвечала насущным проблемам строительства нового мира на христианской основе.

Первые сведения о Круглом столе короля Артура относятся к рубежу XII-XIII веков. Они сохранились в поэме норманнского хрониста Уэйса (или Васа) «Роман Брута», написанной на французском языке в 1155 году. Уэйс переложил в стихах Гальфрида, кое-что добавив от себя, например, рассказ о ссорах между рыцарями Артура.

Считается, что первым сюжет о Круглом столе подробно разработал священник из Уорчестера Лэймон, который и перевел «Роман Брута» на английский язык. В его переводе соединились традиции англосаксонского эпоса и французской куртуазной литературы. Несмотря на то, что мотив Круглого стола встречался еще в валлийских сказаниях, во времена Лэймона этот образ вообрал в себя новое содержание. Он оказался связан с идеей духовного братства.

Примерно за сто лет, на отрезке с конца XI века до начала XIII века, в Европе возникли новые монашеские ордена (цистерцианцы, картузианцы, кармелиты, тринитариинцы, францисканцы и доминиканцы). Крестовые походы вызвали к жизни духовно-рыцарские ордена госпитальеров и тамплиеров, ставшие символами рыцарства. Тогда же был учрежден орден Алькантры для борьбы с маврами. Члены орденов были равны в выполнении своей миссии, но одновременно внутри них существовала иерархия с безусловным подчинением главе ордена.

Модель «Круглого стола» отвечала этим же требованиям. Провозглашалась идея равенства рыцарей, собравшихся под скипетром их короля. Сам король переставал быть первым среди равных, как во времена набегов.

Такая модель продержалась сравнительно недолго. Она была необходима только на первых порах, когда первые королевские династии обретали легитимность. Вассалы должны были признать своего короля, и в этом они были равны. То есть на начальном этапе основной задачей «свежеиспеченного» короля было остановить вражду кланов с целью захвата трона. Со временем, в связи с усложнением системы вассалитета, модель Круглого стола стала уходить, по ней стали ностальгировать как по утерянному золотому веку, но вначале она, несомненно, зафиксировала некоторый порядок и установила новые правила игры.

Успеху этой модели способствовало то, что повествование Лэймона, с одной стороны, было актуальным, с другой стороны, уходило корнями в пространство архетипов, что позволяет провести ряд аналогий с символами, широко используемыми в мифах различных народов.

Во-первых, это символика творения мира и установления в нем порядка. Лэймон вводит фигуру плотника, который пришел к Артуру, прослышав о смертельных боях за почетные места за его столом. Эти бои невозможно было остановить даже угрозой казни рыцаря, его жены и всей родни. Плотник предложил Артуру сделать такой стол, за которым все будут равным образом в его пределах, одновременно снаружи и внутри. Фигура плотника напоминает нам не только о плотнике Иосифе, ставшем земным отцом Иисуса, но и «плотнике» Ное, который построил ковчег. Вышедшие из ковчегу люди и животные положили начало новому миру, возникшему после потопа.

Во-вторых, это символика круга как полноты и совершенства. Круглый стол Артура – это полнота мира и подобие Вселенной. В нем соединены христианский мир и небеса. Узы братства рыцарей Круглого стола были сильнее, чем семейные: как первохристиане, они должны были бросать отца, мать, жену, детей, сестер и братьев ради братства. Потому что только там в духовном смысле они обретали настоящих жен, детей, родственников и родителей.

В-третьих, это символика стола, вернее, мистической трапезы, которая совершается за этим столом.

Можно считать, что Круглый стол – это граница между старым родовым строем и идеальным миром, построенном на христианских ценностях. В старом мире должна была остаться кровная месть за родственника, а в новый перейти идея братства.

Роман Мэлори, написанный спустя 300 лет после Лэймона, в середине XV века, появился на очередном повороте истории, когда была востребована новая картина мира. Битва при Азенкуре в 1415 г. положила конец сословию рыцарства, но его идеалы, отнесенные к золотому веку, остались. Исследователи считают, что роман Мэлори явился назиданием его современникам, критикой «повреждения нравов» и призывом к новой династии Тюдоров восстановить законы добрых старых времен. Круглый стол символизирует у Мэлори чувство долга и является средством для примирения старого мира (Гавейн) и нового мира (Ланселот).¹⁵ Мэлори обозначил нижнюю временную границу зарождения новой картины мира. В этом смысле Сервантес, написавший спустя 150 лет о хитроумном идальго, обозначил своим романом верхнюю границу, после которой никакое примирение стало невозможно.

Если Круглый стол у Лэймона несет в себе черты дохристианской символики, он – вне времени, то Круглый стол у Мэлори включен в христианскую картину мира и имеет историю.

Первым по времени и прообразом последующих считается легендарный стол Тайной вечери.

Второй стол называют Столом Грааля. Он был сделан Иосифом Аримафейским специально для Чаши Грааля, которая стояла в центре. Считалось, что только добродетельные люди могли сесть за этот Стол, потому что сам Грааль отделял их от плохих. Одно место за столом всегда было вакантным. То есть Стол несовершенен до тех пор, пока Господь не ниспошлет некоего мужа для завершенности, полноты этого творения.

Третий Стол и есть стол Утера Пендрагона, отца Артура. Стол был сделан Мерлином, а затем подарен королем Утером королю Леодеграну. Тот, в свою очередь, отдал Стол Артуру в качестве свадебного подарка за своей дочерью Гвиневерой. За ним могло сидеть сто рыцарей и еще пятьдесят. У Леодеграна не было столько рыцарей, он прислал Артуру только сто. Мерлину было поручено отыскать еще пятьдесят.

Именно этот стол исполнил свое предназначение и стал «совершенен». Всегда пустовавшее «гибельное сидение» было, наконец, занято «чистым» рыцарем Галахадом. Оно символизировало место, на котором сидел Иуда во время Тайной вечери, а потому любой, садившийся на него доселе, проваливался в преисподнюю. Вина Иуды была искуплена безгрешным Галахадом, и мир обрел совершенство.

По разным источникам, количество рыцарей за Столом колеблется от 12 до 150.

Рыцарями Круглого стола становились различными путями: по личному приглашению короля Артура; по выбору Мерлина; на спинке сиденья появлялась надпись золотыми буквами с именем рыцаря, то есть место само выбирало себе владельца; за претендента мог поручиться рыцарь Круглого стола; рыцарь мог быть приведен проводником чудесной силы. К примеру, Персевала посадила на не занятое еще никем сидение рядом с «гибельным» немая девица, которая по этому поводу чудом заговорила. После чего она позвала священника, причастилась и умерла.

Мэлори подробно описывает кодекс чести рыцаря Круглого стола. Артур потребовал от своих рыцарей, чтобы они не творили жестокостей, смертей и измены; чтобы прощали того, кто просит о прощении, под страхом потери покровительства и милостей короля Артура навсегда. Также рыцари должны были заступаться за дам и девиц, благородных женщин и вдов и не чинить над ними насилия. Также ни один рыцарь не мог поднять оружие в неправой ссоре или друг на друга ни ради славы, ни за какие богатства земные.

Примеру рыцарей Круглого стола должны были следовать придворные европейских монархов, и сами монархи.

К временам Филиппа Доброго (1396-1467) относится следующая история. Герцог Бургундский поссорился с сыном, покинул замок и всю ночь блуждал по лесу. Наутро находчивый придворный встретил его словами: «Дня доброго, монсьенор! Что это? Уж не мнитесь ли Вам, что Вы король Артур или мессир Ланселот?»¹⁶

Известно, что сын Филиппа Карл Смелый (1433-1477) с юности читал о подвигах Гавейна и Ланселота.

Уже к XIII-XIV векам относится широкое распространение празднеств, носящих название празднеств Круглого стола в честь рыцарей Камелота. В 1344 году в Виндзорском замке состоялось одно из самых пышных таких празднеств. Король Эдуард III праздновал двойную победу

¹⁵ Мортон. С. 784.

¹⁶ Хейзинга. С. 16.

над старыми врагами Англии – Францией и Шотландией. Все завершилось грандиозным пиром «в стиле» Круглого стола короля Артура.

Сохранилось свидетельство о том, что князь Бейрута устроил празднество Круглого стола в честь посвящения в рыцари своего старшего сына.¹⁷

Такие празднества прошли на Кипре в 1223 году, в испанской Валенсии в 1269 году, в Акре в 1286, в Праге в 1319, в Дублине в 1498 году. Приглашенные получали имена рыцарей короля Артура, геральдические знаки и одежды, демонстрировали поведение, которое, как им казалось, соответствовало манерам артуровских времен. Празднество заканчивалось рыцарским турниром, который совсем не был «игрушечным», но мог стать последним для участников. По крайней мере, в позднем Средневековье церковное право запрещало турниры, и церковь отказывалась хоронить по христианскому обряду погибших в поединке.

Празднества Круглого стола не были прерогативой только знати. Сохранилось известие о некоем горожанине из Магдебурга, падком на моду, который в 1281 году разослал приглашения своим знакомым купцам принять участие в торжестве Круглого стола и показать свою удаль.

Полное крушение принципов, на которых было основано братство Круглого стола, произошло, согласно Лэймону и Мэлори, когда сэр Гавейн с братьями (сыновья короля Лота) объявили вендетту королю Пеллинору и его сыну Ламораку. Последовала череда убийств, в которых рыцари обагрили свои мечи братской кровью.

Картина мира снова отстала от времени и превратилась в миф. Закончилась эпоха Круглого стола. С одной стороны, она исчерпала себя и осталась в виде воспоминаний о золотом веке рыцарства, которые вдохновляли последующие поколения. С другой стороны, она перенесла через века ключевое слово, на котором строит свое отношение с гражданами любое европейское государство. И это слово – «равенство».

Чаша Грааля. Миф о духовном поиске, индивидуации

Любой миф находится вне времени, но он вдохновляет людей в века перемен, когда формируется новая картина мира. Эта картина востребует и нового человека, который ищет себя в этом мире. В контексте артуровского цикла поиск себя связан с поиском чаши Грааля. Эта тема, так же как и предыдущая, подробнее разрабатывалась французами и немцами, нежели англичанами, хотя Грааль связан именно с Британией.

Согласно апокрифическому Евангелию, Чашу привез в Британию Иосиф Аримафейский. Он приходился дядей Деве Марии и был тайным учеником Христа. В первый раз он приезжал в Британию с одиннадцатилетним Иисусом. Затем молодой Иисус приезжал на остров один и даже соорудил в Гластонбери для себя маленькую хижину. Иосиф Аримафейский присутствовал при распятии Иисуса, и именно он собрал кровь, вытекавшую из раны, в Чашу со стола Тайной вечери. Затем с этой Чашей, получившей название Грааль (le Sang Real, королевская кровь), он приехал в Британию, где стал первым епископом. На том месте, где стояла хижина, и было основано Гластонберийское аббатство. Иосиф воткнул в землю свой посох, превратившийся в Гластонберийский терновник, и спрятал Грааль в Источнике Чаши.

Кстати, позднее эта легенда играла роль важного аргумента в споре Папы Римского и Генриха VIII. Англичане доказывали, что Иосиф принес христианскую веру в Британию раньше, чем Павел принес ее в Рим. Поэтому англиканской церкви принадлежит старшинство.¹⁸

В монастыре Гластонбери до его упразднения во времена Реформации находились рака Иосифа Аримафейского и легендарное захоронение короля Артура и его королевы. На этой земле объединились сюжеты об Артуре и Чаше Грааля, долгое время развивавшиеся самостоятельно.

Впервые Грааль в артуровский цикл вводит Кретьен де Труа в 1175 году. Чаша и копье звали к снятию заклятия с Заколдованного замка. Через полвека стараниями монахов-цистерцианцев тема Грааля стала основной. В «Вульгате» они поведали историю Святого Грааля от Христа до смерти Артура. Несмотря на то, что таким образом в цикле сложилось новое религиозное христианское ядро, в артуровском мифе осталось очень много языческих сказочных элементов.

¹⁷ Михайлов. С. 814.

¹⁸ Блейк, Ллойд. С. 23.

Что же ищут рыцари короля Артура? В христианской парадигме – благодати, которая снизойдет на них, когда они узрят Чашу Грааля. Но мотив поиска (квеста) и связанного с ним путешествия имеет древние корни, что позволяет говорить о его архетипической природе.

Первые мистические путешествия – это путешествия в потусторонний мир, к примеру, во время инициаций охотников. Подросток символически умирал, а затем воскресал к новой взрослой жизни. Древние воспоминания остались в сюжетах сказок о путешествиях в Тридевятое царство за жар-птицей, живой водой или молодильными яблоками.

Классические сюжеты античности – это поход аргонавтов, Троянская война и путешествие Одиссея. У кельтов – поиск волшебного котла Анвена, ради овладения которым герой отправляется в загробный мир. Во времена формирования и трансляции мифа об Артуре – Крестовые походы за отвоевание Гроба Господня.

Герой совершал квест на двух уровнях: внешнем и внутреннем. Двигаясь к достижению внешней заданной цели, он неосознанно преображался внутренне. И даже если внешняя цель не бывала достигнута, а герой менялся по сравнению с собой прежним, то можно сказать, что внутренний квест был совершен. На языке юнгианской психологии такой духовный квест называется процессом индивидуации, направленной на достижение Самости.

Идеалы героя со временем менялись. Языческий герой должен был быть бесстрашным воином, а современный – достойным гражданином.

Христианский герой поначалу мог быть мучеником, монахом или святым. Со временем, с введением мирского кодекса куртуазии к этим качествам прибавились вежливость, храбрость, любовь и щедрость.¹⁹

Герой, ищущий и совершающий на своем пути ошибки (или, в другой парадигме, грехи), всегда интереснее статичного благополучного. В этом смысле перед писателями всегда стояла проблема «положительного» героя. Он почти всегда оказывался менее интересным, чем злодей. У Мэлори гораздо достовернее выглядит фигура сэра Ланселота по сравнению с его сыном сэром Галахадом. Последний – совершенный рыцарь «без страха и упрека», заслуженно узревший Грааль и через некоторое время испутивший дух, не вынеся приземленности жизни. Ланселот – грешник, ему не дано лицезреть Грааль, он может лишь приблизиться к нему. Но это – живая фигура со всеми страстями: ненавистью к врагам, уважением к королю и любовью к королеве, с рыцарской удалью. Грех, ему вменяемый, состоит в том, что он воевал в неправедных войнах из тщеславия и ради мирских радостей. Но все же путь, пройденный Ланселотом от непобедимого рыцаря до монаха, впечатляет более, чем совершенство его сына, возникшее по Божьей воле.

В сюжете о квесте процесс не менее важен, чем результат. Ведь только пройдя через испытания, став совершеннее, герой достигает цели или приближается к ней. Такой поиск себя – процесс индивидуальный, который никто за героя пройти не может. Здесь мотив братства, команды отходит на второй план. Может быть, поэтому орден рыцарей Круглого стола так и не был учрежден Эдуардом III. Он фиксировал бы внешнее, почти карнавальное явление. О том, что идея рыцарского братства не рассматривалась как существенная, говорит тот факт, что взамен был учрежден одиозный орден Подвязки с его девизом «Позор тому, кто плохо об этом подумает». Ведь история создания этого ордена связана, скорее, с подвязкой графини Солсбери, нежели с сигналом к атаке в битве при Кресси.

В то же время, орден Золотого Руна, учрежденный через 80 лет французским королем и бургундским герцогом Филиппом Добрым, существует до сих пор. Архетипический мотив квеста как личного поиска оказался долговечным. Коллективные идеалы стали разбиваться об индивидуальные желания и стремления.

В этом смысле становится понятным пророчество короля Артура, что после поисков Грааля его рыцари уже не съедутся вместе в этом мире. Действительно, из квеста многие из них вернутся другими и «вырастут» из Круглого стола, словно из детской одежды.

Как же на внешнем уровне изменился мир после того, как избранным была явлена Чаша Грааля?

Согласно Мэлори, излечился от смертельной болезни Увечный король, исцелился некий немолодой старец, воинство ангелов унесло на небо душу Галахада, а рука – копье и Чашу Грааля.

¹⁹ Ле Гофф. С небес на землю. (Перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе XII-XIII веков) //Одиссей. Человек в истории. М.: Наука, 1991.

Согласно Кретьену де Труа, излечится от смертельной болезни Король-Рыбак, дед Персеваля, чтобы впоследствии умереть в мире; в его владениях не воцарится хаос. Спадут чары с заколдованного замка. Все это в будущем, потому что «Персеваль» Кретьена остался незаконченным.

В предложенной картине мира христианское начало возобладало над языческим элементом. Явление Грааля избранным было нужно для того, чтобы они засвидетельствовали о его подлинном существовании. После чего Чаша была взята на небо вместе с самым чистым из избранных, Галахадом, к которому спустя некоторое время присоединились двое других. Град Небесный окончательно отмежевался от Града Земного, который погряз в распрях и войнах. Распался круг рыцарей Круглого стола, был убит король Артур. Но осталась мечта о поиске святого и подлинного в своей душе.

В мифологические времена Артура было лишь несколько человек, способных отправиться на такой поиск, и только трое нашедших себя. С каждым новым веком число людей, осознавших себя личностями, увеличивалось. Все больше их отправляется в духовный квест, что означает, что мостик между Градом Земным и Градом Небесным все еще существует.

Подводя итог, можно насчитать по крайней мере пять репрезентаций мифа об Артуре:

1. Индоевропейский, самый архаичный, относящийся к коллективному бессознательному и связанный с образом Артура как жестокого воина, возможно, персонифицированного бога войны.

2. Кельтский, распадающийся на валлийский, ирландский, галльский, относящийся к родовому бессознательному. Здесь – валлийские саги, наделяющие Артура магическими чертами, где он представитель загробного мира и король. Сюда же относятся галльские мифы о «диких охотниках» Артура.

3. Династический английский. Каждая новая династия (Нормандская, Плантагенеты, Тюдоры) ставила миф себе на службу. Миф о короле Артуре стал для Великобритании XIX века нациеобразующим мифом. Символ – Эскалибур как знак легитимности власти.

4. Западный христианский. Крестовые походы, династические браки, книгоиздательская деятельность, киноиндустрия, ПК распространили миф об Артуре и рыцарях Круглого стола по всей Европе и Северной Америке. Это – миф «устроения мира», востребуемый на поворотах истории. Уход римлян из Британии, распад старых родовых отношений, христианизация Европы привели к одному из вариантов мифа о творении. В этом смысле миф глобализации, проповедующий общество равных возможностей, либеральные и демократические ценности в нем, также является его очередным вариантом и проходит под знаком круга как символа полноты и совершенства. Символ – Круглый стол.

5. Общечеловеческий. Человек рассматривается как личность, находящаяся на пути самопознания и самосовершенствования. Символ – Святой Грааль.

Вышеперечисленные репрезентации являются одновременно и ступенями лестницы, по которой движется социум в своем развитии. Переход на каждую новую ступень связан с кризисом идентичности и предполагает «воспоминание» истоков мифа для того, чтобы развить его дальше, выстраивая новые отношения в соответствии с идеями эпохи. Примерно об этом писал Мирча Элиаде, рассматривая функционирование мифов о происхождении: они проигрываются в ритуалах каждый раз, когда социуму необходимо обрести «твердую почву под ногами» для решения новой задачи.²⁰

²⁰ Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Академический проект; Парадигма, 2005. С. 21.